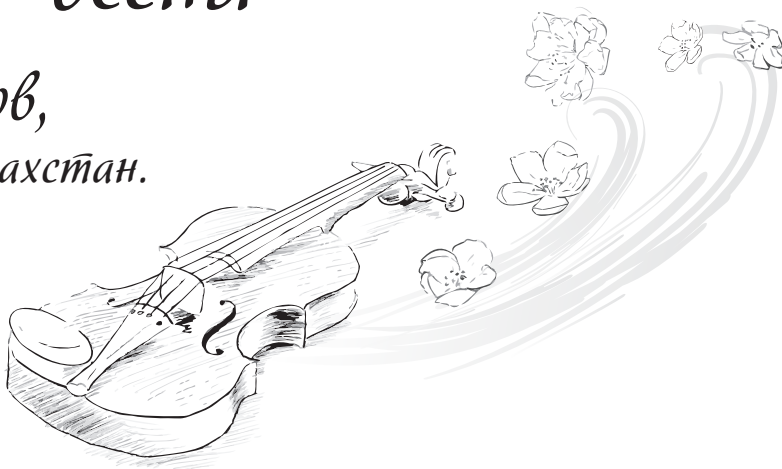

Музыка весны

Гани Баянов,
г. Алматы, Казахстан.

Мы с товарищем учились на последнем курсе художественного училища и снимали комнату в домике за парком. Много работали, часто за полночь. Утром спешили на занятия через парк к автобусной остановке.

Собирая материалы к дипломной работе, я бродил с этюдником по узким кривым улочкам, набрасывал эскизы. Друг иногда сопровождал меня, делал зарисовки. Мы тогда подолгу беседовали. Мой товарищ не расставался с очередным томиком стихов или прозы, который покупал или брал у друзей.

В тот раз был томик Бюхнера, недавно изданный. Читали по очереди. Нас волновала его судьба, яркая короткая жизнь, его проза.

Была середина мая. Яблони стояли в цвету. Красные крыши, беленые стены, зеленые ставни – все утопало в белой пене. И над всем этим изумрудом возвышался холм.

Мы любили гулять по парку в свободное время или когда возвращались с этюдов. Иногда забегали в кафе с открытой террасой, где заказывали чай или кофе. С каждым днем парк становился многолюднее и оживленнее. Это был старый парк, с могучими дубами, березовыми аллеями, мостиком над прудом, где с зимы сохло еще обнаженное дно. Пахучая клейкая молодая листва набирала силу. Иногда посреди ясного весеннего дня случался короткий дождь с громом, а в иные дни морозящая светлая пелена надолго закрывала солнце.

В один из таких дней вдруг брызнул дождь, и мы забежали в кафе. Заняв крайний столик у перил, заказали чай. Наблюдали, как крупные капли разбиваются о пол у деревянных решеток, падают на дорожку дубовой аллеи, превращаются в серебристую пыль, ударяясь о зонты спешащих прохожих.

Вслед за нами влетела стайка девушек. Они устроились за столиком напротив, оживленно переговариваясь, искоса поглядывали в нашу сторону. Вбежали две женщины, укрывшиеся одним дождевиком, стряхнули капли с плаща, встали у прохода, о чем-то разговаривая. Мужчина у стойки тянул кофе,

перешептываясь с буфетчицей. Дождь, так неожиданно начавшийся, судя по всему, зарядил надолго.

Мы и не заметили, как с боковой аллеи к террасе не спеша подошли девочка лет четырнадцати и пожилой мужчина. Девочка держала большой черный зонт, придерживая старика за локоть. Рядом шлепалась собака, прижимаясь к ногам хозяев. Они поднялись на террасу. Старик держался прямо. Его белые поредевшие волосы ниспадали на плечи. На шее был завязан тонкий шарф. Обеими руками он прижимал к себе потрепанный скрипичный футляр. Девочка сложила и стряхнула зонт, взяла под руку старика, подвела к свободному столику и осторожно усадила. Потом взяла у него футляр и положила на стол. Собака улеглась у ног хозяина, опустив вислоухую голову на лапы и печально глядя на него. Девочка подошла к стойке и заказала чай. Она была в теплых чулках и ботинках со шнурками. Из-под берета выглядывали две косички и челка. Старик, приняв чай, стал медленно пить. Девочка, обхватив стакан обеими руками, осторожно отпивала обжигающий напиток. Мы с любопытством поглядывали на странных гостей. Даже девушки притихли.

По крыше террасы, по листве, яркой траве и асфальту шуршал дождь. Он был негромкий и монотонный. Все молча вслушивались в эти звуки. В полупустых стаканах остывал чай. Старик отставил свой стакан и, сцепив хрупкие пальцы, сидел торжественный и строгий. Девочка, подперев голову рукой, о чем-то задумалась, глядя вдаль. Женщины, прислонившись к деревянным колоннам, все так же стояли у прохода. Мужчина у стойки, потирая пустой стакан, о чем-то молчал. Буфетчица, обхватив подбородок ладонями, молча смотрела на дождь. Из-под белого накрахмаленного платка выбивались рыжие пряди. Ее веснушчатое лицо светилось тихой улыбкой. Только девушки снова о чем-то шептались.

– Дедушка, сыграй, пожалуйста!

Девочка произнесла эти слова, не поднимая головы и не отрывая глаз от дождя. Руки старика вздрогнули, он разомкнул пальцы. Лицо просветлело. Немного подождав, еще вслушиваясь в дождь, он медленно повел рукой, нащупал футляр, осторожно коснулся потертой кожи и замер. Потом медленно поднялся, отодвинул стул и открыл футляр. Инструмент был завернут в бордовый бархат. Откинув его, старик бережно вынул скрипку и смычок. Поднес инструмент к подбородку, тихо тронул струны, затем привычно провел смычком, настраивая, и заиграл.

Девушки притихли, удивленно и восторженно глядя на музыканта. Одна из женщин у колонны обернулась на звук и замерла. Буфетчица, скрестив руки на груди, смущенно поглядывала то на музыканта, то на своего собеседника. Музыка набирала силу, наполнила террасу, вытесняя шорох дождя. Она лилась между светлыми струями, таяла где-то в конце дубовой аллеи. Старик играл, чуть раскачиваясь в такт мелодии. Глаза его были закрыты, морщины разгладились, лицо светилось, и на ресницах сверкали капли, словно брызги дождя.

Музыка наполняла душу щемящей грустью, тревожила сердце. И этот светлый дождь, цветущая весна, будущее – все казалось значительным,

наполненным красотой и трудом... Музыкальный этюд заканчивался. Последние звуки, почти неслышные, долго трепетали в воздухе, пока не смолкли совсем. Старик опустил скрипку и замер.

Наступила удивительная тишина. Только с листьев падали капли и вдоль аллеи струились тонкие ручейки.

Но вот брызнул свет, и тысячи сверкающих солнц ожили на траве, на перилах, на листьях. Защебетали птицы. Заерзали на своих местах девушки, вскочили и высыпали на аллею, оживленно и весело переключаясь, застучали каблучками по асфальту. Заторопились женщины, подхватив дождевик, пошли, переговариваясь, к выходу.

Старик, внимательно вслушиваясь в звуки оживающего парка, аккуратно сложил инструмент, завернув его в бархат, и закрыл футляр. Девочка поправила свой берет, складки на юбочке, взяла зонт и, поддерживая старика под руку, повела его к выходу. Собака, виляя хвостом, прошмыгнула между ног хозяина, побежала вперед, весело оглядываясь на старика и девочку. Они осторожно спустились с террасы, свернули на аллею и стали медленно удаляться.

Я долго провожал их взглядом. Музыка все не отпускала меня...

